

Утопил ли Стенька Разин княжну?

(Из истории казачьих нравов и обычаев)

Королев В.Н.

доктор исторических наук, профессор,

Ростовский государственный университет, г. Ростов-на-Дону

Отношение публики к знаменитой истории с утоплением княжны всегда было двояким: от восхищения («Какая широкая натура!..») до почти отвращения («Ах, подлец, женщину утопил...»). В свое время этой историей очень интересовался А.С. Пушкин. Великий поэт, считавший Разина «единственным поэтическим лицом русской истории», в 1826 г. посвятил ему сразу три стихотворения под общим заглавием «Песни о Стеньке Разине». В одном из них, «Как по Волге-реке, по широкой...», «грозен Стенька», идя по реке со своими «гребцами удалыми, казаками, ребятами молодыми», подхватывал «персидскую царевну» и бросал ее «в волны» – «Волге матушке поклонился». Пушкин просил Николая I разрешить опубликовать это и два других стихотворения, но получил через шефа жандармов отказ со следующим объяснением: «Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева» [50; с. 77, 558-559].

Через несколько десятилетий поэт Д.Н. Садовников написал на тот же сюжет стихотворение «Из-за острова на стрежень...». Положенное на музыку, оно стало чрезвычайно популярной, любимой народной песней [54]. И.А. Бунин, чуждый пушкинскому «поэтизму», возмущался тем, что «чуть не вся Россия» поет эту, по его мнению, «пошлую, разгульную песню» [44; с. 187]. Действительно, ее можно было часто слышать из уст простого люда, но вопреки недовольству классика, песню с удовольствием исполняли и корифеи отечественной оперной сцены. Песенная история с утоплением красавицы даже вышла за пределы страны. В 1942 г., немецкие солдаты, выйдя к великой реке под Сталинградом, распевали «Wolga, Wolga, Mutter Wolga...», а в 1969 г. «Из-за острова на стрежень...» звучало посреди Атлантического океана: песню пел международный экипаж папирусной лодки Тура Хейердала, отмечавший переход из европейской области Атлантики в американскую [74; с. 401].

Историки и верили, и не верили в случай с княжной, да и сейчас расходятся во мнениях. Вот, к примеру, современный автор В.М. Соловьев, специалист по истории восстания Разина, разбирает взгляды Н.И. Костомарова и К. Валишевского. Первый, крупный авторитет в науке, не сомневался в достоверности сообщения об утоплении княжны, а второй, хотя и «любитель приукрасить события», считал его в общем недостоверным и полагал, что если что-то похожее и было, то вовсе не при известных мелодраматических обстоятельствах [64; с. 61-62].

Сам В.М. Соловьев занимает двойственную позицию. С одной стороны, он считает красавицу «не мифическим персонажем, а реальным лицом», и историю с ее утоплением – «не просто красивой и печальной легендой», но, с другой стороны, пишет, что неизвестно, являлась ли «утопленница» княжной и происходила ли из Персии. В завершение же рассуждений о прелестнице читаем у В.М. Соловьева: «И все-таки вопрос о том, была ли эта прекрасная дева, якобы принесенная Разиным в дар матушке Волге, реальным лицом или вымышленной фигурой, остается открытым» [64; с. 59-60, 62]. Последнее замечание, противоречащее первому, тем не менее верно, поскольку до сих пор никто не доказал, что мы имеем дело с реальным событием или, напротив, с очередной байкой о жестоком атамане. Посмотрим, «откуда есть пошло» известие об утоплении Стенькой нерусской красавицы.

1. Сообщения Стрейса и Фабрициуса

Прежде всего, укажем, что эта история не фигурирует ни в одном документе из очень обширного корпуса источников о Разине и его восстании. В приговоре атаману сказано, что на Каспии он «грабил жителей Персии и отнимал товары у купцов, а то и убивал их... разорил... некоторые города», убил «нескольких именитых купцов шаха персидского и других иноземных купцов: персов, индийцев, турков, армян и бухарцев, приезжавших в

Астрахань» [17; с. 116-117]. Приговор вообще весьма обстоятельно перечисляет преступления атамана, в том числе и многие конкретные, с упоминанием имен, но ни слова не говорит об утоплении женщины.

Имеются два сообщения на эту тему, и оба мемуарного характера. Первое принадлежит Стрейсу (стихотворение Пушкина написано целиком, а стихотворение Садовникова в основном по данному сообщению). Ян Янсен Стрейс (1630-1694), голландец, в 1668 г. нанялся на русскую службу и состоял парусным мастером на первом русском корабле европейского типа «Орел», который предназначался для плавания в Каспийском море. Был очевидцем пребывания Разина в Астрахани в 1669 г., по возвращении атамана из Каспийского похода. В июне 1670 г., перед взятием этого города разинцами, после получения известия о переходе царского войска на сторону «мятежников» под Черным Яром, с группой голландских офицеров и матросов бежал на шлюпке в Дербент. В 1676 г. в Амстердаме опубликовал свою книгу «Три путешествия», где и содержится рассказ об утоплении княжны.

Приведем его текст.

«В один из последующих дней, когда мы (капитан «Орла» и его люди – В.К.) второй раз посетили казацкий лагерь (в Астрахани – В.К.), Разин пребывал на судне с тем, чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами. При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому (воеводе, командовавшему силами, которые были направлены против Разина – В.К.), а княжну принудил стать его любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тыфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну, хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришла ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя» [66; с. 201].

Второе сообщение принадлежит Людвигу Фабрициусу (1648— 1729), тоже голландцу, служившему офицером в русской армии, с 1667 г. находившемуся в Астрахани и в 1670 г. попавшему в плен к разинцам под тем же Черным Яром, события у которого заставили бежать Стрейса. Осенью 1670 г. и Фабрициус бежал из разинской Астрахани в Персию. В 1672 г. возвратился в этот город, а в 1678 г. вышел в отставку подполковником, уехал из России в Швецию и стал впоследствии видным шведским дипломатом. Свои «Записки» написал до 1697 г., а может быть, и до 1693 г. Воспроизводим сообщение Фабрициуса.

«Но сначала (перед выходом в марте 1668 г. в Каспийское море, после зимовки в Яицком городке — В.К.) Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением (так автор называет уход в море – В.К.) он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив — то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица». Был у вора сын от этой женщины, его он отослал в Астрахань к митрополиту с просьбой воспитать мальчика в христианской вере и послал при этом 1000 рублей» [17; с. 47].

Сопоставление изложенной информации показывает, что в обоих сообщениях речь идет, очевидно, об одном и том же «злодеянии» Ра зина, но с указанием разных времени, мест и обстоятельств события.

- Согласно Стрейсу, дело было по окончании Каспийского похода разинцев, после прибытия их флотилии в Астрахань, а по Фабрициусу – еще во время этого похода, перед отправлением казаков из Яика в море.

- Соответственно в первом случае пленница была брошена в Волгу (по контексту сообщения, либо в Астрахани, либо где-то недалеко от нее), во втором — в Яик.

- У Стрейса это персидская княжна, а у Фабрициуса – знатная та тарская дева.

- В первом варианте пленница попала в руки Разина на Каспии, во втором – неизвестно где.

- По Стрейсу, ее захватили совсем недавно, по Фабрициусу – за год до Каспийского похода.

- Первый автор утверждает, что пленницу взяли вместе с ее братом, а второй о брате вовсе не упоминает.

- Согласно Стрейсу, Разин принудил пленницу стать его любовницей, и та полюбила его из страха (довольно странное выражение: можно ли полюбить из страха?), а у Фабрициуса не говорится ни о каком принуждении и страхе.

- Поскольку, по Стрейсу, это была недавняя пленница, у нее не могло быть от «изверга» ребенка, почему первый автор о нем и не упоминает, тогда как второй мемуарист говорит об их общем сыне.

- В первом случае красавица была принесена в жертву реке (Волге), во втором – водяному богу Яика.

- Первый вариант рассказывает об импульсивном поступке Разина, а второй – об осознанном решении: атаман обещал жертву водяному богу задолго до утопления.

- Соответственно, по Стрейсу, у Разина не было никакого видения перед ужасным поступком, а согласно Фабрициусу – случилось явление упомянутого бога.

- В первом случае атаман был пьян, во втором случае о его опьянении не сказано ни слова, а поскольку дело происходило утром, можно предположить, что Стенька находился в трезвом состоянии.

- По контексту первого сообщения получается, что Разин бросил пленницу в воду с судна, во втором же известии нет намека, откуда именно красавицу швырнули в реку, может быть, и с берега.

При такой существенной разнице конкретной информации характерно, что оба автора находились в Астрахани, общались с местными жителями, русскими воинскими людьми, казаками и друг с другом (Фабрициус сыграл важную роль в выкупе беглеца Стрейса, которого, плененного по дороге, «тарковские татары» привезли на продажу в персидскую Шемаху). Более того, Фабрициус не мог не знать книгу Стрейса, которую много раз издавали в 1670-1680-х гг.: в 1676 г. она выходила вторым изданием в Голландии, в 1678 и 1679 гг. в немецких переводах, в 1681, 1682 и 1684 гг. во французских [17; с. 11, 67, 81]. Тем не менее, младший голландец, дезавуируя сообщение старшего, дал в своем сочинении совершенно иную версию.

Что же произошло? Фабрициус, будучи на Волге и Каспии, совершенно ничего не слышал об утоплении и просто переименовал рассказ Стрейса, переписав его в свои мемуары для занимательности? Но зачем тогда он так значительно переделал текст? Нет, скорее всего, оба голландца слышали чьи-то увлекательные рассказы, но в разных вариантах и в разное время. Очевидно, Фабрициусу история с утоплением стала известна еще до взятия Астрахани разинцами, и он был уверен, что все, кто там находился в разинское время, знают: в период пребывания в городе атаман никакую любовницу не утоплял. Из слов Стрейса вытекает, что он не только слышал историю, но и лично видел убиенную впоследствии красавицу. Но выходит, что видел (если в действительности видел) совсем не ту женщину?

Заметим, что Яик не играл такую большую роль в трехлетних Удачах Разина, какую ему приписывает сообщение Фабрициуса, и еще отметим некоторую логическую неувязку у того же автора: атаман приносит жертву языческому богу, а сына хочет воспитать в христианской вере. Само существование этого сына от «утопленницы» не подтверждается никакими источниками [17; с. 75]. В документах конца XVII в. упоминается родственник Разина Афанасий, один раз названный его сыном, а другой раз пасынком [75], но ясно, что это вовсе не ребенок от героини данного очерка и не родной сын атамана. Есть еще фольклорный «сын» Разина, которому посвящен целый цикл песен [39], но ни в одной из них не сказано, что его матерью была утопленная отцом женщина или вообще пленница.

Н.И. Костомаров и В.М. Соловьев верят версии Стрейса, а не Фабрициуса. Последний историк замечает, что «рассказ Фабрициуса о прекрасной татарке и ее сыне не подтвержден никакими другими документальными свидетельствами и воспоминаниями очевидцев. По видимому, эта легенда – один из отголосков романтической истории, которую устное народное творчество связывало с так называемой персидской княжной... В песенном цикле о Разине, пусть не без красочных преувеличений и надуманных

подробностей, в целом доволь но точно рассказывается о короткой, бурной и столь роковым образом оборвавшейся любви грозного атамана и персиянки» [64; с. 60].

Однако, версия Стрейса точно так же не подтверждается иными мемуарами, а тем более документальными источниками, а что касается песен о Разине, то в действительности ни в сборнике разинских песен А.Н. Лозановой [39], ни в собрании донских песен А. М. Листопадова [38; 1949 г.] не зафиксирована ни одна, где бы упоминалась персидская княжна. В этих песнях, о которых подробнее скажем ниже, фигурирует любовница атамана, но она не называется ни персиянкой, ни татаркой и не подвергается утоплению.

Н.И. Костомаров считал косвенным подтверждением рассказа Стрейса «темные сказочные предания о Стеньке» и приводил одно из них, воспроизводимое и В.М. Соловьевым: «Плыл... Стенька по морю на своей чудесной кошке, играл в карты с казаками, и подле него сидела любовница, пленная персиянка. Вдруг сделалась ужасная буря. Товарищи говорят ему: «Это на нас море рассердилось. Брось ему полонянку. Нечего делать». Стенька бросил ее в море, и буря затихла» [64; с. 61]. Известно, что предание, в котором среди прочего говорилось и о том, что Разин «княжну утопил», записал от донского казака в XIX в. писатель, фольклорист и этнограф П.И. Якушкин [39; с. 296]. Наконец, в донской народной драме «Степан Разин», записанной уже в советское время, атаман по требованию товарищей бросает с лодки свою любовницу, «девку-басурманку», перед этим сказав: «Волга-матушка! Много ты подарила мне серебра и злата, бархату и всякого добра. Много я добыл у тебя и чести, и славы, а еще ничем не отблагодарил. Вот, возьми от меня подарочек! От сердца рву!» [12; с. 66-67].

В.А. Закруткин заметил, что приведенное обращение, несомненно, книжного происхождения [12; с. 31]. Имеет место вообще странное расхождение: в устоявшихся исторических песнях отсутствует утопление любовницы Разина, а в более подвижном прозаическом фольклоре оно присутствует, что вызывает подозрение, не литератур ного ли происхождения и сами эти произведения последнего жанра. Известно множество «преданий», которые сочинены «грамотеями» из народа, а нередко и краеведами на основе сюжетов, вычитанных в книгах или взятых «из головы», вплоть, например, до несуразного «сказа» о том, что Разин подарил Чапаеву свою шашку, которой тот и разил немцев в Отечественную войну под Сталинградом и при взятии Берлина [35; с. 49-50]. Сюжетная же канва драмы «Степан Разин», на наш взгляд, полностью взята из опубликованных сочинений.

Персидских князей, княгинь и княжон в европейском понимании не существовало. Крупнейшими феодалами страны являлись хакимы, правившие областями, и эмиры, возглавлявшие кочевые племена. На севере Персии, где действовали разинцы, кочевали азербайджанские и туркменские племена; феодалы азербайджанских племен именовались ханами [18]. Как раз дочь какого-либо из этих феодалов европейцы и могли называть княжной, но как она попала к Разину? Нередко высказывается предположение, что в морском сражении разинцев с персами в июне 1669 г. у Свиного острова, одного из группы Бакинских островов, «вблизи Гиляни, невдалеке от Куры, напротив Ленкорани», в плен попали сын командующего персидской флотилией и его дочь [64; с. 63].

Действительно, флотилия, состоявшая из 50 судов под начальством «сотника» Магмеди Ханбека (Менады-хана, Мамед-хана), была наголову разгромлена, и разинцы захватили «адмиральского» сына Шабын-Дебея (Шаболду) [19; с. 173-174, 180; 32; 1954 г. – с. 134, 144, 156, 272; 1962 г. – с. 292]. Но этот сын, переданный затем русским властям, в том же году написал прошение о возвращении на родину, в котором ни словом не говорил ни о какой сестре [32; 1954 г. – с. 156]. В письме персидского посланника 1673 г. о возмещении убытков, понесенных от разинцев, назван этот сын (сказано, что он убит Разиным), но опять-таки не упоминается его сестра [32; 1962 г. – с. 292], как нет ее и в других известных персидских документах, которые повествуют о том времени. Энгельберт Кемпфер, побывавший в 1684-1685 гг. в Персии в качестве секретаря шведского посольства и оставивший нам сообщение о сражении 1669 г., утверждал, что в плен попал сам Магмеди Ханбек, впоследствии будто бы умерший в Астрахани, и еще 5 человек [19; с. 174]. Известие о захвате «адмирала» ошибочно, а среди 5 пленников, хотя и не названных поименно, согласно контексту, не было женщины.

Вообще присутствие женщины на персидском судне в боевом походе и сражении выглядит крайне сомнительным. В связи с этим предполагали, что Магмеди Ханбек мог взять на свой корабль «сына, дочь и крупнейших сановников, чтобы показать им разгром казацкого флота» [69; с. 21]. Один журналист даже придумал, что командующий «позволил себе выполнить каприз любимой дочери – она хотела насладиться видом истребления казаков» [63; с. 99]. Однако, это был бы очень странный поступок «адмирала»: казаки были

известны приморским персиянам еще с XVI в. и вовсе не относились к тем неприятелям, отправляясь на борьбу с которыми можно было заранее рассчитывать на легкую и блистательную победу.

Оставалось предположить, что красавица попала к разницам не на море, а на суше, в самой Персии. Такое предположение и было высказано: дочь Магмеди Ханбека казаки взяли в 1668 г. при разгроме города Фарахабада (Фарабата) [8; с. 231]. Но французский путешественник XVII в. Жан Шарден, долго живший в Персии и довольно подробно рассказавший о разграблении разницами шахского дворца в названном городе, опять-таки не упоминает захват «адмиральской» или чьей-либо другой дочери [19; с. 177-178].

Наконец, в примечаниях к первому тому сборника документов о Разинском восстании сообщается, что в городе Ашрефе сохранилось устное предание о происхождении именно оттуда атаманской пленницы. Ашреф – город в Мазандеране, в 10 км от южного побережья Каспия, к западу от Астрабада, бывший резиденцией Аббаса I и других шахов. Публикаторы тома дают «глухую» отсылку относительно упомянутого предания: «сообщено С.Д. Радченко» [32; 1954г. – с. 272]. К сожалению, мы не знаем, кто такой С.Д. Радченко (в именном указателе тома он отсутствует), но надо полагать, что информатор побывал в Ашрефе. Насколько верна и качественна сообщенная информация и не поздняя ли это связь («задним числом») с широко известной историей об утоплении красавицы, неизвестно. Во всяком случае, Г. Мельгунов, упомянувший рассказы ашрефских жителей о разгроме Разиным местного дворца Аббаса, молчит о пленении «княжны» [42; с. 129]. В итоге связать знаменитую полонянку со сражением 1669 г. или другими военными действиями разинцев не удастся.

Таким образом, сообщения Стрейса и Фабрициуса, противореча друг другу, в значительной степени теряют свою «доказательную силу», а так называемые прямые доказательства реальности произошедшего с персиянкой или татаркой на Волге или на Яике, увы, эту реальность не доказывают. А нельзя ли попытаться определить, могло ли случиться рассматриваемое событие, по косвенным сведениям? Предлагаем заняться ими и одновременно некоторыми старинными обычаями донских казаков.

2. Женщины на борту?

Прежде всего, следует четко и определенно ответить на вопрос, захватывали ли казаки женщин в ходе боевых действий XVI – XVII вв. Ответ здесь может быть только один: захватывали, причем постоянно и регулярно. И совершенно прав был В.Д. Сухоруков, когда утверждал, что «на поисках казаки брали в плен весьма много женщин» [68; с. 419]. Чтобы не быть голословными, приведем некоторые факты.

- Официальный летописец Османской империи Мустафа Наима сообщает, что в 1614 г. казаки, взяв Синоп, «обратили этот прекрасный город в пустыню» и увели оттуда местных жен и детей [57; с. 149].

- В 1632 г. донцы и запорожцы под командованием атамана Павлина по завершении очередного похода на Черное море прибыли в Запорожскую Сечь, откуда 60 донцов отправились домой с доставшейся на их долю частью полона – «девками и робятами-татарченками» [67; с. 175-176; 9; с.130-131].

- В 1634 г. казачья флотилия при впадении Дона в море захватила в плен до 1300 татарских женщин и детей [45; с. 238].

- Зимой 1634-1635 гг. донцы взяли у ногайцев и привели в свои городки около 800 женщин и детей с Чубура, а затем еще 935 женщин и детей с Ачаковской косы [45; с. 238-239].

- В 1653 г. казаки донской флотилии, будучи «на крымской стороне», захватили «улус кочевой и ясырю всякого мужского и женского полу... человек с 50» и далее у Трабзона еще «сот с пять или шесть... мужского полу и женского» [15; 1913 г. – с. 698].

- В морском походе 1659 г. на Крым и Анатолию, возглавлявшемся атаманом Корнилием Яковлевым (крестным отцом и погубителем Разина), донцы «взяли ясырю турецкого и крымского мужского и женского полу в 2000 человек» [15; 1917 г. – с. 509].

- В 1677 г. казачья флотилия, совершая набег на Темрюк, пленила «тутошних жителей мужеска и женска полу человек с полтора» [2; с. 99-100].

В связи со сказанным не стоит удивляться тому, что одна из донских исторических песен рассказывает, как казак на дуване (разделе добычи) получил «красную девицу», добытую на Куме [38; 1951 г. — с. 411], или что в XVII в. русские люди постоянно приобретали на Дону пленных «ребят и девок», которые принадлежали к «турской и татарской породе» [46; с. 213-214].

Но попадали ли в казачьи руки дамы и девицы знатного происхождения? И здесь ответ должен быть положительным: попадали и к тому же нередко, что отразилось в некоторых донских песнях. Казаки нападают на 12 османских кораблей, берут на них «товары заморские» и дочь турецкого мурзы; к казакам на захваченных судах попадет «красная девица», молодая Урзамовна, дочь «мурзы турецкова» [21; с. 520; 8; с. 230-231], В «сказочной» Азовской повести донцы во главе с атаманом Наумом Васильевым перехватывают на Азовском море дочь азовского паши, которую отец отправил в Крым в жены «царю Старчию» [8; с. 85-87].

«Эпизод, — справедливо пишет об этой вымышленной истории Н.А. Мининков, — не историчен во многом — и в том, что в Крыму никогда не было хана с подобным именем, и в том, что неизвестны случаи установления брачных отношений между ханами и дочерьми азовских пашей, и, кроме того, неизвестно, чтобы дочь азовского паши когда-либо попадала в руки казаков, тем более именно во главе с атаманом Н. Васильевым. Вместе с тем историчность рассказа в том, что в руки казаков иногда попадала подобная добыча, правда, не при тех обстоятельствах, которые описаны в повести» [43; с. 164].

В литературе предполагалось, что этот рассказ «сказочной» повести в конечном счете восходит ко взятию Разиным Фарахабаца и пленению дочери Магмеди Ханбека [8; с. 231]. Об отсутствии сведений относительно последнего события уже говорилось, хотя в повести на самом деле есть каспийские мотивы: турецкие корабли называются бусами (термин больше каспийский), а казаки почему-то прощаются не с Азовским морем, где происходит действие, а с Хвалынским (Каспийским).

Теперь приведем примеры реального пленения знатных женщин.

- Еще в 1554 г. атаман Федор Павлов со своими казаками захватил у разгромленных астраханцев судно «з девками царевыми» (астраханского хана Ямгурчя) [47; т. 29, с. 229].

- В 1556 г. атаман Ляпун с казаками у астраханского же царя Дербыш-Али «поймал многие улусы, княгини и девки, жонки и робята» [47; т. 13, с. 274].

- В 1587 г. донцы пленили замужнюю дочь ногайского князя Екшисата с ее детьми [68; с. 77].

- В 1619 г. казаки под предводительством Петра Иванова и Максима Лысова, напав на ногайские улусы, взяли в плен родственников Кара-Кельмамет-мурзы, в частности его мать Улуханым, тетку Наалзу, сестру и дочь, и двух «лучших людей» мурзы с их женами и детьми, а также «иных многих людей», всего около 160 человек [68; с. 132].

- В 1627 г. «воровские» казаки при разгроме туркменских улусов на каспийском побережье захватили дочь князя Манобека и другой «многой ясырь» [43; с. 165].

- В 1630 г. донцам под Трабзоном досталась дочь трабзонского судьи и с нею 80 человек (этот полон казаки променяли запорожскому татарину Нураю за 80 лучших коней) [68; с. 168].

- В 1633 г. донцы погромили ногайские улусы, кочевавшие по реке Ее, взяв до 700 человек в плен, в том числе мать, сына, дочерей и сестер Салтан-Мурат-мурзы «с их ближайшими до 30 человек» [68; с. 179].

После выяснения поставленного вопроса скажем, что несколько неожиданно в литературе появился другой: могли ли женщины находиться на борту казачьих судов? Представить их там вполне возможно и даже не сложно. Похоже, у казаков XVII в. не было особых предрассудков на этот счет, хорошо известных у западноевропейских и российских моряков последующих столетий. Правда, Г.В. Губарев утверждал, что «женщины были строго запрещены в походных колоннах» донцов, и спрашивал: «Как... могли бойцы привозить себе жен из набега на Царьград, когда в морских походах почти всегда гибла половина чаек (так автор называет донские струги. — В.К.), когда борты уцелевших надо было отягощать остатками экипажей с погибших судов, а не размещать в них прекрасных ясырок?» [24; с. 41]. Но автор допускал грубые ошибки из-за незнания ряда разделов казачьей истории. В морских походах казаков, в большинстве своем успешных, почти никогда не погибала половина судов, а женский полон приходилось везти через одно, а то и через два моря. Как иначе его можно было доставить на Дон из Трабзона или даже из сравнительно близкого Темрюка? При этом пленницам случалось зачастую довольно долгое время находиться на борту казачьих судов.

Кстати сказать, и на Западе предрассудок о женщине на борту как признаке несчастья в необходимых случаях преодолевался. Ян Рогозинский (его имя в русском переводе почему-то передано как Жан Рогожинский) отмечает, что «женщины издавна плавали на кораблях в качестве пассажиров и жен моряков. В некоторых странах женщины наравне с мужчинами выходили в море на рыбацких, торговых и китобойных судах. В XVIII веке на британских военных судах прислуживали женщины, получавшие правительственное жалованье» [52; с 177]. И еще: можно ли было основать полноценные европейские колонии в Америке, если бы через океан не перевозили женщин?

О присутствии жен на казачьих морских судах XVII в. не говорит ни один известный источник, но надо полагать, что по Дону, между городками, казачьи жены и дочери часто перемещались на судах и лодках. Некрасовцы же в первой половине XIX в. нередко брали жен и детей и в свои дальние рыбацкие плавания по Черному и Средиземному морям [34; с. 10]. Другое дело – женщина не как пассажир, а как член экипажа казачьего морского судна. Вот это, очевидно, было неприемлемо, хотя известны случаи участия казачек вместе с казаками в боевых действиях на суше. В восстании Разина, кстати, принимали участие две «атаманши» – Алена и женщина, оставшаяся безымянной [32; 1957 г. – с. 367; 17; с. 112-113, 124; 19; с. 73, 134-135], но обе действовали не на воде.

Для сравнения сообщим, что у пиратской вольницы, имевшей некоторое внешнее сходство с вольницей казачьей (но расхождения в сущности), взятие на борт женщины, не являвшейся пленницей, считалось преступлением, поскольку мужчины могли «передрасться за возможность обладания объектом своего сексуального предпочтения» [52; с. 59, 180]. Впрочем, крайне редко, но пиратки встречаются в истории пиратского промысла. Например, на судне капитана Джона Рэксэма (Ситцевого Джека), повешенного в 1720 г., находились две «боевые подружки», но с ними спали все члены команды [52; с. 59. 177-178, 483, 502].

В реальной казачьей истории по документальным источникам подобные случаи неизвестны. Однако они фигурируют в фольклоре, Одна из донских песен рассказывает, как казаки гуляли по морю «на кораблицах» и «выкликали девочку с собой»:

«Ой да, мы тебе-то, да вот, красная девочка,

На-напоим тебе, накормим.

Ой да, ну, еще жа, да вот, красная девочка,

И с собою спать тебе положим...»

Девочка согласилась, но, проснувшись «серяди-то синего моря», стала просить держать корабль «к дубровы до мово до рода». Песня заканчивается следующим образом:

«Ой да, соглашалася, да вот, красная девочка,

С казаками она пить-гуляти,

Она пить-гуляти:

Ой да, ну, теперича, да вот, красная девочка,

Вот, роду тебе не видати!» [38; 1951 г. – с. 441].

В другой песне, принадлежащей некрасовцам, «красная девочка», возвращаясь с торгового, встретила разбойника Гуселева, который зазвал ее на свой «корабелик», где было «чего твоей душе вгодно», и сказал:

«Ой, хучь и злата возьми, красная девочка,

Возьми жа хучь серебра.

Ой, а и мало табе, красная девочка,

Возьми светного шелку!»

В результате разбойник сманил девицу с ее «глупым разумом», «напоил ее пьяною». Героиню песни потом «спать положили», а тем временем корабль ушел в море.

«Ой, как очнулась она, красная девочка, серед синего моря,

Ой, да бросалась она, красная девочка,

Во синяя моря» [38; 1951 г. – с. 442-443].

Есть еще донская песня, в которой по синему морю с Дона плывет корабль с 97 «разудальными молодцами». Они в свою очередь поют песню, где рассказывается такая история. «В пятьдесят пятом году» (вариант: «В семьдесят седьмом») шла девочка по воду, к ней подплыл кораблик, молодец стал ее сманивать, она ему отказала, заявив, что сватали ее и получше него, а молодец срубил ей голову, за что и был посажен в тюрьму [38; 1953г. – с. 150-151].

Казалось бы, в песнях описаны случаи, произошедшие в жизни, но на самом деле реальность песенной фактографии крайне сомнительна. Согласно контексту, героини говорят по-русски, являются казачками или русскими, во всяком случае, это не турчанка, не татарка и не черкешенка (записана и донская песня, где утопающую в синем море девицу спасает «молодой наш Ваня», причем спасенную зовут вовсе не Фатимой или Зулфией, а Настей [38; 1954 г. – с. 210]). Однако ни на каком морском берегу перед тем, как ступить на борт казачьего морского судна, героиня-соплеменница находиться не могла по той простой причине, что в XVI — XVII вв. все азово-черноморское побережье принадлежало Османской империи. Разве, что девушка была рабыней, но, во-первых, песни на это даже не намекают, а во-вторых, тогда у нее либо вообще не могло быть свободы выбора – ступить на казачье судно или нет, либо альтернатива должна была быть другой – бежать с казаками из плена или остаться в рабстве на чужбине. Может быть, дело происходило на Каспии, где-нибудь у Астрахани? Однако, здесь должны фигурировать не обычные казаки, а «воровские», «разбойные» (как Гуселев), и астраханское морское побережье в географическом смысле совсем не таково, чтобы девица там могла прогуливаться, идти по воду и т.п. и чтобы «девочку» увидели с морского «кораблика». К тому же суровые и смертельно опасные условия казачьих походов по враждебным Азовскому и Черному морям не позволяли заниматься «девочками». В этих экспедициях казаки вполне могли обходиться без тесного общения с женщинами, а в Астрахани «воры» имели большие возможности пользоваться «береговым обслуживанием». Песенное действие не могло происходить и после выхода России к Черному морю, случившегося в результате войны 1768-1774 гг., потому что к тому времени донские казаки давно не плавали на морских «корабликах».

Создается впечатление, что песни о «девочке» на борту являются некой «контаминацией»: разбойничья шайка, действующая на суше и, может быть, реке (на лодках, не на морских судах) и берущая к себе женщину или даже нескольких женщин, плюс военно-морские походы казаков; «воры», грабящие чужих и своих, плюс казаки, ведущие тяжелую борьбу с Турцией и Крымом; «воровские понятия» плюс войсковые обычаи; река плюс море и проч. В общем, получаются разбойные песни с казачьим антуражем.

В «воровские» походы на Каспии, которые тоже не являлись увеселительными поездками, казакам также не имело смысла брать «девочек», но существуют песни о Разине и его любовнице именно на этом море. По нему, повествует одна из песен, плывет «легка лодочка».

«Посреди лодки – золота казна,

На золотой казне лежит цветно платье,

На цветном платье сидит красна девица,

Есаулушки она – сестра родная,

Атаманушке – полюбовница.

Как сидит она, слезно плачет».

Атаман уговаривает ее успокоиться:

«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Мы поедem с тобой в твою землюшку,
В твою землюшку, к отцу, к матери» [39; с. 189].

В другой песне по Каспию плывут «два кораблика» и «лодочка».

«Ай, на носу сидит есаул, есаул с веслом,
Ай, на корме стоит атаман, атаман с копьем,
Ай, атаманушка Степан Тимофе... Тимофеевич.
Ай, посеред лодки золота казна, золота казна,
Ай, на казне сидит девка кра... девка красная...»

Она плачет и предсказывает Степану быть повешенным, есаулу застреленным, всем молодцам неволю, а ей, «девочке», волю [38; 1949 г. – с. 88]. Еще одна песня рассказывает, как на Каспийском море «на Петров день» замерзает «корабличек». По нему ходит Разин, играет в гусли, забавляя красную девицу и предлагая ей не плакать. Поклонимся «солнушку», говорит атаман, попросим «ветру буйного» и дождя сильного [38; 1949 г. – с. 90-91].

Рассматривая песни о Разине и женщинах, А.Н. Лозанова отметила, что «самостоятельных тем здесь очень немного»: «Большинство представляет различные вариации сюжета о девице на разбойничьем судне. Сюжет этот часто встречается в разбойничьих песнях» [39; с. 112]. Иными словами, мы снова сталкиваемся с упомянутой контаминацией. В сущности, у историков нет фактических подтверждений того, что Разин в самом деле держал у себя на судне любовницу. Стрейс, кажется, видел ее именно на борту атаманского струга, но на стоянке в Астрахани, и, может быть, красавица и навещала Разина лишь на стоянке, не участвуя в походах?

Во всяком случае, условия миловаться с любимой на казачьем судне во время морского похода были минимальны. Утверждение А.А. Смирнова, что к концу Каспийского похода атаман де «стал чураться братских пирушек, стараясь больше времени проводить наедине с брюнеткой-персиянкой» [63; с. 102], игнорирует реальную обстановку на струге, где было тесно и уединиться являлось большой проблемой. Конечно, если бы с этой женщиной спали все казаки по очереди, в духе порядков на судне Рэксэма, то это было бы совершенно другое дело, однако такое допущение не вяжется со всем, что мы знаем о характере и поведении Разина да и об обычаях казаков.

Что еще известно об атаманских любовницах и были ли они вообще? Остальные любовницы «сухопутны» и тоже все фольклорны. «Астраханская девка Маша» в отличие от морских «девочек» сама Разина

«прельстила,
К себе в гости заманила,
За убранный стол посадила,
Пивом-медом угостила
И допьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила».

Солдаты схватили Разина, посадили там же в Астрахани «во железную во клетку» и три дня морили голодом, а затем атаман чудесным образом освободился: окатился водой и очутился на Волге [39; с. 220]. Другие две песни, записанные в Пермской и Саратовской губерниях, рассказывают о том, как Разин, переодетый купцом, приплывает к купеческой дочери и обещает ей за любовь дорогие подарки (первая песня) и как птица роняет человеческую руку с перстнем, по которому девушка Стешка узнает руку своего любимого и догадывается о смерти атамана (вторая песня). В Тамбовской губернии записали еще песню о возлюбленном, покинувшем любимую, которая лишь через 11 лет получает известие, что он пойман и оказался сыном знаменитого атамана [39; с. 113-115].

По одной из легенд, Разин привез из Персии волшебный ковер, а «девка-предательница» его подменила, почему атамана и схватили. В некоторых преданиях, враждебных Разину, он представлен как «друг и любовник Маринки-безбожницы» (Марины Мнишек?), «развратник», у которого «любовниц было много», даже как «бусурман-многоженец», имеющий «триста жен и до пятисот наложниц», и др. [40, 72]. При этом характерно, что в донском прозаическом фольклоре отсутствуют рассказы о многоженстве «бусурмана» Разина [72; с. 295]. То же можно сказать и о казачьем поэтическом фольклоре. А.Н. Лозанова отозвалась о песне, где фигурируют сын Разина и его любимая, как о произведении, не имеющем «исторической подкладки» [39; с. 115]. Но, похоже, нет такой подкладки и у фольклорных любовниц самого атамана, пусть даже названных по имени.

Правда, несколько пленных московских стрельцов, находившихся у разинцев «в работе» и бежавших из Паншинского городка, показали в Москве в 1670 г., что на Дону Стенька «жонок-татарок у себя держит» [32; 1957 г. – с. 53]. Однако, не ясно, что это были за татарки; может быть, служанки? Известно, что донская старшина имела у себя в домах прислугу из пленниц.

Стрейс, хотя язвительно замечает в одном месте, что Разин был «отцом многих безбожных детей», далее тем не менее утверждает что он «особенно строго преследовал блуд», и к тому же приводит конкретный пример: «Случилось, что казак имел дело с чужой женой. Стенька, услышав про это, велел взять обоих под стражу и вскоре бросил мужчину в реку; но женщина должна была перенести иное: он велел вбить столб у воды и повесить ее на нем за ноги. Она прожила еще 24 часа, и голова ее стала вдвое толще. Не было заметно, чтобы она испытывала сильные мучения, ибо не слышали от нее крика, и она даже говорила разумные слова» [66; с. 200-201]. Этому сообщению можно и не верить, но другой голландец, Фабрициус, подтверждает резко отрицательное отношение атамана к разврату: «Как бы неслыханно этот разбойник не тиранствовал, все же среди своих казаков он хотел установить полный порядок. Проклятия, грубые ругательства, бранные слова, а у русских есть такие неслыханные и у других народов неупотребительные слова, что их без ужаса и передать нельзя, – все это, а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить» [17; с. 53].

Приведенные свидетельства двух иностранцев, между прочим, врагов Разина и его движения, если не аннулируют полностью, то заметно «смазывают» как фольклорные известия о любовницах атамана, так и собственные утверждения этих же авторов. Не имеем ли мы в соответствующих произведениях фольклора проявление идеологической ангажированности? Антиразинское направление в устном народном творчестве наряду с проразинским вполне заметно и отражало в свое время настроения в лагере противников Разина, феодалов-крепостников и их приспешников, «добрых казаков», а позже – их идеологических наследников. Или некоторые фольклорные произведения просто хотят показать, что Степан Тимофеевич хотя и был великим народным вождем, но, как и все, являлся грешным «человеком из кости и плоти»?

Вовсе не отрицая, что у атамана могли быть любовницы и, скорее всего, были, к чему подталкивала хотя бы его длительная оторванность от дома, тем не менее, зададимся вопросом, логично ли было Разину, коль он боролся с блудом, выставлять на всеобщее обозрение собственный блуд. Но, увы, надо также иметь в виду, что поведение того или иного человека не всегда можно объяснить одной логикой.

3. Пьянство и зверство?

Многим эта логика изменяла под влиянием «паров Бахуса». По Стрейсу, Разин как раз и выбросил княжну в реку, находясь в нетрезвом состоянии. Пил ли атаман, пили ли казаки? Не в мирное время, а в походной обстановке?

Вообще спиртное входило в рацион питания моряков на всех европейских флотах, как на военных судах, так и на купеческих. В XVII в. в Англии это было пиво, затем со второй половины 1650-х гг. ром, в Голландии пиво, во Франции вино. Поскольку пресная вода, хранившаяся в деревянных бочках, быстро протухала, и сами

моряки, находясь в море, предпочитали пить не воду, а спиртные напитки [52; с. 127, 173]. У казачьего же флота здесь были большие особенности. Французский инженер Гийом Левассер де Боплан, в 1630-1648 гг. состоявший на польской службе и составивший подробное описание запорожцев, свидетельствовал: «Казачи очень трезвы во время походов, и если случится между ними пьяный, начальник велит выбросить его за борт; им также запрещено брать с собой водку в виду строгого соблюдения трезвости во время походов и экспедиций» [36; с. 27]. Те же правила действовали и у донцов, которым «не велено было брать» в море хмельные напитки «под смертною казнию» [68; с. 415].

В соответствии с сообщением Боплана в литературе утверждается, что наказания за нарушение походного «сухого закона» применялись на практике. Запорожские казаки, «кутившие в Сечи иногда по суткам без просыпу, – пишет, например, А.С. Афанасьев (Чужбинский), – в походе не употребляли... водки... потому что за пьянство на судах топили в воду, а на суше казнили киями» [3; с. 89]. Однако, как верно заметил Н.И. Краснов, «история не приводит примера, чтобы хотя один из походных атаманов морского поиска воспользовался своим правом бросить кого-либо... в воду... не было надобности прибегать к каким-нибудь насильственным мерам не смотря [на то], что на подобные экспедиции стекались со всего Дона самые отважные буйные головы» [31; с. 347]. Очевидно, действовал сам страх перед Ужасным концом – оказаться выброшенным в открытом море, вдали от невидимых берегов.

Впрочем, может быть, иногда строгие правила нарушались: видный деятель францисканского ордена XVII в. Рафаэле Левакович писал, что казаки во взятом в 1625 г. Трабзоне, отмечая праздник Преображения, развлекались и веселись, и их полковники были навеселе [79; с. 425]. Не исключена здесь и ошибочная информация, поскольку у Леваковича много выдумок о казачьем морском походе названного года.

Все сказанное о казаках и алкоголе относится к войсковым походам на Азовском и Черном морях. А что происходило у мятежных разинцев на Каспии и Волге? Хотя сам их предводитель позже утверждал, что они во время Каспийского похода, «как были на море, так водки и в глаза не видали, не то чтоб отведать», похоже, что это не совсем так [27; с. 446; 32; 1954 г. – с. 140]. Стрейс вспоминал, что разинские казаки рассказывали, как они, захватив хорошее вино в Баку, начали его пить, «отчего большая часть их, непривычных к вину, опьянела», а персы, воспользовавшись этим, неожиданно напали и побили почти всех – из 5-6 тысяч человек на стругах спаслось лишь 400-500 [66; с. 201-202].

«Непривычка» казаков к вину (возможно, имелось в виду долгое воздержание?) и огромные их потери, конечно, вызывают недоверие. Но Каспийский поход Разина продолжался слишком долго, с начала июня 1667 по конец августа 1669 г., в нем участвовало много недавних казаков и людей, только что присоединившихся к казакам, враг был гораздо слабее турок на Черном море, а казачья дисциплина значительно слабее, чем во время войсковых походов, – так что, по-видимому, на Каспии вино порой и в самом деле лилось рекой. В одной из песен Разин вспоминает «море синее» и Колыванский остров:

«А и упито тут было, братцы, зеленого вина,

Еще ж, братцы, уедено сорочинского пшена,

Еще ж, братцы, уношено цветного платья» [39; с. 246].

Во время же военных действий на Волге разинцы, вероятно, вовсе не сдерживали себя. По взятии Черного Яра, как утверждает Фабрициус, повстанцы «захотели... и водки, и пива, объявили царские погреба своей собственностью и вылакали все начисто» [17; с. 51]. Сам атаман по возвращении из Каспийского похода пьянствовал в Астрахани [66; с. 201, 352] и затем, уже вернувшись на Дон, если верить пленным стрельцам, пил «безобразно» [32; 1957 г. — с. 53]. То же наблюдалось в Астрахани и в 1670 г. «Я, — вспоминал Фабрициус, — собирався в тот... вечер отправиться к Стеньке, но он был страшно пьян, так что пришлось отложить все до следующего дня. На следующий день я пришел к Стеньке Разину... он заявил, что у него похмелье, и велел подать ему чарку водки, что мне и пришлось сделать. Он вылакал две чарки, дал и мне одну...» [17; с. 56].

При этом волжское «расслабление», волжский разгул, похоже, были присущи не только разинцам – другие «разбойные» казаки, действуя на этой реке, тоже «распускали вожжи»: гулять на Волге так гулять! В народной драме «Ермак» казаки пристают к волжскому берегу, именно чтобы пить вино, а в одном из ее вариантов Ермак Тимофеевич гневается на товарищей:

«Тише, тише, чертова дружина.

Поменьше бы водочку пила

И атамана не разбудила б».

В народной драме «Атаман Буря» казаки располагаются на берегу Волги на отдых, и на вопрос главного героя, где же другой персонаж, Кузька Сибирьковский Нос, есаул отвечает:

«У Кузьки нос – не лопатка,

Он знает, где сладко.

Он сам напьется и нам принесет».

Кузька в самом деле приносит бочонок с водкой [12; с. 50-51, 76, 78]. Хотя эти драмы – не старинные произведения, но насчет употребления хмельных напитков, похоже, они правы.

«...Стенька, – писал один из современников, – когда бывает пьян, большой тиран и за короткий срок в таком виде лишил жизни трех или четырех человек...» [66; с. 352]. Можно ли было вообще возражать ему, укорять его, как в песне: «Только ночь с ней провожжался, Сам наутро бабой стал»? Да, конечно. Хотя у донцов существовало правило «куда атаман кинет взглядом, туда мы кинем головы», однако, оно действовало в боевой обстановке. На кругах же при обсуждении любого вопроса высказывались самые разные точки зрения, в том числе и противоречившие атаманской. Несомненно, лица, входившие в близкое окружение Разина, могли, опять-таки исходя из казачьих обычаев, высказывать атаману любое мнение.

Правда, у Фабрициуса читаем: «... этот жестокий казак так почитался подчиненными, что стоило ему только что-либо приказать, как все мгновенно приводилось в исполнение. Если же кто-либо не сразу выполнял его приказ... то этот изверг впадал в такую ярость, что, казалось, он одержим. Он срывал шапку с головы, бросал ее оземь и топтал ногами, выхватывал из-за пояса саблю, швырял ее к ногам окружающих и вопил во все горло: «Не буду я больше вашим атаманом, ищите себе другого», – после чего все падали ему в ноги и все в один голос просили, чтобы он снова взял саблю...» [17; с. 54]. Тем не менее, весь контекст этого сообщения свидетельствует о принципиальной возможности не соглашаться с атаманом и критиковать его.

Прежде чем рассмотреть вопрос, убивали ли казаки женщин, напомним, что XVII столетие было очень жестоким временем, оценивать которое с позиций современного гуманизма совершенно невозможно и недопустимо. В России в соответствии с Соборным уложением 1649 г. применялась казнь не только через отсечение головы, повешение и утопление, но и через сожжение, четвертование, заливание горла раскаленным металлом, закапывание живым в землю до головы, посадение на кол, повешение за ребро; среди наказаний были отрубание рук, ног и пальцев, отрезание ушей, вырывание ноздрей, вырезание языка [41; с. 335]. Морской устав Петра I называет из наказаний отсечение руки и пригвождение ее к мачте [30; № 3, с. 39]. Фабрициус писал, что боярин Я.Н. Одоевский в 1670 г., во взятой Астрахани «многих повелел кого заживо четвертовать, кого заживо сжечь, кому вырезать из глотки язык, кого заживо зарыть в землю», причем таким образом поступал «как с виновными, так и с невиновными»; на тяжелых работах, организованных тем же Одоевским, часто случалось, что «беременные женщины падали... и подышали вместе с младенцем, как скотина» [17; с. 68-69].

Подобная жестокость была характерной и для тогдашней Западной Европы. Наима рассказывает, что французы, находившиеся на османской службе в первой четверти XVII в., пленных казаков «сначала заживо сажали... на вертела, а затем сжигали на костре, поворачивая вокруг до тех пор, пока они не погибали» [82; с. 142]. Совершенно не удивительно, что изуверская жестокость считалась нормой и даже доблестью у янычар и всего турецкого воинства. Многие казаки, захваченные в плен османами, подвергались чудовищным истязаниям вплоть до разрывания и растапывания слонами, разорвания крюками и галерами, погребения живыми [80; с. 150-151; 81; с. 415].

Вольное казачество с его демократическо-республиканскими институтами жило в этом мире, вынуждено было бороться с ним по его правилам и в целях самосохранения не могло не отвечать жестокостью на жестокость. При том казаки, пожалуй, были менее беспощадны, чем иные их соседи. Как замечал Н.И. Краснов, «мы не знаем, чтобы в казачьих обществах... в числе наказаний было отрезывание ушей, вырывание ноздрей и

другие утонченности глумления над людьми» [30; №2, с. 138]. В конечном счете, сравнительно редкие проявления казачьей жестокости, усиливавшиеся, впрочем, во время острых социальных катаклизмов и в яростном мщении за бесчеловечные злодеяния неприятелей, являлись ответными мерами на отношение к казакам окружавшего их враждебного и страшного феодального мира.

По справедливому в целом мнению В.М. Соловьева, у донцов «был свой неписанный кодекс чести, в соответствии с которым они не обращали оружие против женщин и эту заповедь выполняли неукоснительно» [64; с. 58]. Сообщения казаков о походах нередко включали характерную фразу: «турских (или крымских) людей (то есть мужчин) побили, а их жен в полон поимали» [15; 1917 г. – с. 561], Но война диктовала свои законы, и из самых строгих правил случались печальные исключения. Если не преувеличивает «сказочная» Азовская повесть, то в 1637 г. при взятии Азова казаки «женский пол – старых рубили, а молодых жен и девок к себе в полон взяли» [8; с. 90]. А в 1625 г., если верить русским дипломатам, отмечено небывалое, единственное такого рода за 200 лет войны проявление казачьей жестокости: в Крыму под Гезлевым казаки «у иных... жонок брюха резали» [68; с. 154]. В Азов донцы ворвались после тяжелой осады и многих потерь, а поход 1625 г. на Крым произошел после гибели атаманов и сотен казаков под Трабзоном, захвата и сожжения неприятелями сразу 5 донских городков [25; с. 379-381].

Одно из иностранных сообщений говорит о взятии разницами Астрахани: «Жену и дочерей воеводы Стенька отдал солдатам, сообщникам своим в жены, а не захотят того – на поругание» [17; с. 110]. В смертном приговоре атаману также сказано, что он в том городе «отдавал жен и дочерей» убитых «добрых людей» своим приспешникам на поругание [17; с. 117]. Еще одно иностранное известие утверждает, что Разин лично надругался над женой и дочерью астраханского воеводы, «а затем отдал их калмыкам» [19; с. 124]. Между тем доказано, что сведения о насилии атамана над женщинами из семьи воеводы князя И.С. Прозоровского являются полной выдумкой [19; с. 149]. Даже в песне говорится о князе:

«Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге-реке;
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушками... помиловали» [39; с. 180].

Совершенно не соответствует действительности следующее сообщение вестфальца Энгельберта Кемпфера 1684 г. (хотя и со ссылкой на рассказ казака, участвовавшего в Каспийском походе): разинцы «атаковали Астрабад... увезли 800 женщин вместе с добычей с собой на остров, где стояли их суда, в 48 часах оттуда. Там они держали этих женщин три недели. Но... многие казаки умерли в результате излишеств и оргий, которым они предавались с женщинами, и... море сделалось очень бурным, что они сочли наказанием за их дебоши; поскольку они намеревались покинуть остров и не могли ни взять женщин с собой, ни оставить их без провизии, они решили их всех прикончить и этой жертвой умилостивить море. После этого они пошли на Самур-реку...» [19; с. 172]. Ни в одном другом источнике нет и намёка на подобное массовое убийство не то что персиянок, но и персиян, и, таким образом, мы имеем дело с разновидностью «больной фантазии» то ли самого вестфальца, то ли его информатора.

Крайне скептически можно относиться к утверждениям некоторых преданий, что Разин из любви к преступлению насиловал женщин – «какая ему показалась, ту и тащит» [72; с. 292, 296]. Чрезвычайная популярность атамана в народных массах и, как бы мы выразились сегодня, разинская харизма, должны были обеспечивать ему большое внимание «прекрасного пола» без всякого насилия. Это не означает, что вообще не было подобных беззаконий со стороны разинцев. Известно, что в ходе войны и массу солдат регулярной и дисциплинированной армии очень трудно удержать в соответствующих рамках. В таких же колоссальных народных бунтах, как Разинское восстание, с участием огромного числа обездоленных, обозленных, подневольных людей, которые вышли из долгого полурабского повиновения и теперь, не имея удержа, крушат все подряд, не обходилось без насилий и в отношении женщин. Но при этом следует знать действительное отношение Разина к поруганию женщин. На этот счет существует впечатляющее свидетельство Фабрициуса. «Я сам видел, – пишет он, – как одного казака повесили за ноги только за то, что он походя ткнул молодой бабе в живот» [17; с. 54]. Речь при этом идет о людях из повстанческого воинства. В самом же Войске Донском, представлявшем собой, разумеется, куда более дисциплинированное общество, к посягательствам на честь и достоинство женщин относились весьма сурово (о положении казачки на Дону мы говорили в одной из

предыдущих работ [4; с. 93-101]). Впрочем, женская супружеская измена в старые времена каралась на Дону жестоко; дело не ограничивалось поркой, как в XIX-XX вв., а порой заканчивалось и убийством. Даже у некрасовцев, согласно «Заветам Игната», измена жены мужу каралась смертным наказанием, хотя эти казаки пытались довести равенство полов до предела, введя такое же наказание за измену мужа жене [71; с.336]. В легенде о некрасовском атамане Василии Костродыме герой сжигает на костре свою неверную возлюбленную турчанку [26]. Случай ужасный, но не реален ли он в такой же степени, как и история с героем русской былины Иваном Гоудиновичем, который за измену рассек возлюбленную на части [56; с. 325-328]? Тем не менее, из-за особо оскорбительных для казаков женских измен могли случаться вспышки ярости с жесточайшим насилием.

Сам Степан Тимофеевич как индивидуум своего времени, конечно, был жесток [19; с. 70]. Он и не мог быть мягкосердечным, «человечным» человеком: такие люди никогда ни в одной стране не становились вождями массовых вооруженных народных выступлений, руководителями великого множества отнюдь не добросердечных людей. «Однако, — читаем у С.И. Тхоржевского, — наше впечатление от жестокости Разина будет очень ослаблено, когда мы обратим внимание на то, что творилось в его время на Руси (да и в Западной Европе)... Вспомним ужасы карательной деятельности князя Долгорукого в Арзамасе (при подавлении разинского движения — В.К.)... количество жертв восставших незначительно по сравнению с количеством людей, которых вешали, рубили, сажали на кол и т. д. усмирители... Таким образом, отмечая жестокость Разина, мы только констатируем черту эпохи; Разин... в этом отношении мало отличался от массы своих современников» [73; с. 105-106].

Г.В. Губарев ошибочно считал, что донцы не перевозили пленниц на своих судах: «Надо было состоять в боевой готовности, а не «бабиться» и охранять своих будущих жен от поползновений товарищей» [24; с. 41]. А фантазия современного писателя рисует соратников Разина, находящих на его струге и «неутомимо, с конским ржанием, бесчещущих персидских девок (некоторых до полусмерти уже доконали)» [61]. В принципе у отдельных банд «воровских» людей всякое можно допустить, но могло ли такое происходить на судне Разина? Предположение выглядит довольно нелепым, поскольку мы, даже игнорируя указанное отношение атамана к блуду, вправе полагать, что экипаж флагманского судна должен был состоять в основном не из новоявленных, а из обычных казаков, у которых в походах всякую добычу, в том числе и полон, делили уже по окончании экспедиции, на суше, дома. Покушение же на неразделенную добычу, на ее часть считалось большим воровством, которое влекло за собой самое суровое наказание. В Войске Донском казнили за кражу всего лишь грошовой вещи. Да и у разинцев «если кто-либо уворовывал у другого что-либо хоть не дорожке булавки», его ожидала смерть [17; с. 53-54].

В.Д. Сухоруков писал о пленницах, попадавших в руки казаков: «Жен знатных мурз отдавали на окуп (выкуп — В.К.), прочих же приветливым обхождением приохачивали ко всегдашней жизни у себя и обыкновенно женились на них» [68; с. 419]. «Ты турчанина убьешь, — говорилось в донской песне, — А турчанку замуж возьмешь» [58; с. 68]. «Поэтическая» Азовская повесть приводит слова казаков, обращенные к турецким посланцам: «А жены себе красныя и любимыя... выбираем от вас... из Царяграда...» [8; с. 68]. Часть женского полона шла еще в домашние служанки, на обмен и продажу [43; с. 165-166]. Указанные цели захвата женщин обеспечивали мягкое или сравнительно мягкое обращение с пленницами, да и вообще считалось, что жестокое обращение с ними снижало их цену. Даже у пиратов наблюдалось то же самое: живописуя их кровожадность, современники молчат об изнасилованиях на борту пиратских кораблей [52; с. 175-176, 209-210].

4. Казнь утоплением

Казнь через утопление не являлась исключительно казачьим обычаем. Она использовалась и в России, в частности применительно к казакам. И.И. Болотникова, выколол глаза, именно утопили [62; с. 472]. Царская грамота Войску Донскому 1625 г. вспоминала преследования казаков в России при Борисе Годунове, когда многих донцов «казнили, вешали и в воду сажали» [15; 1898 г. — с. 248-249]. Однако, сажание в воду тесно связано в первую очередь с казачьим правом. По В.Д. Сухорукову, казнь через утопление — «в куль да в воду» — «была главная казнь» на Дону [68; с. 103] О ее чрезвычайной распространенности свидетельствуют многие документы. Вот лишь несколько примеров из истории Разинского восстания.

- В апреле 1670 г. по решению круга в Черкасске лишили жизни утоплением царского представителя Г. Евдокимова. Разина обвиняли в том, что он при этом «посожал в воду ж» казаков, выступавших в защиту Евдокимова и говоривших атаману «встрешно» [32; 1954 г. — с. 165; 1959 г. — с. 98].

- В том же году в Войске «водной» смерти были преданы «самые добрые люди», занимавшие сторону властей [32; 1954 г. – с. 163]

- В декабре того же года в Черкасске был схвачен и «брошен в воду» известный разинский деятель Я. Гаврилов [32; 1959 г. – с. 100].

- В апреле 1671 г. по взятии Кагальницкого городка «верными» казаками «старшин его, Стенькиных, побили и в воду пометали» [32; 1959 г. – с.100].

- Сам Разин на одном из кругов, не соглашаясь с высказывавшимся мнением и держа в руке обнаженную саблю, заявлял: «... лутче... ево тою саблюю голову отсеките или в воду посадите» [32; 1954 г. – с. 253].

Предание утверждает, что обычай казнить утоплением существовал у казаков еще при Ермаке Тимофеевиче, в войске которого карали именно таким образом [60; с. 316]. За какие конкретно преступления утопляли? Фабрициус говорит о воровстве [17; с. 53-54], но им явно не ограничивались. В.Д. Сухоруков называет «измену, трусость, убийство и воровство» [68; с. 103]. Согласно А.И. Ригельману, женщин утопляли «за продерзости, за чужеложство (измену мужу – В.К.) и за иные вины» [51; с. 26]. Впрочем, последнее сообщение, особенно в части продерзостей и прочих незначительных «вин», может быть подвергнуто сомнению в связи с известной нехваткой женщин на Дону и с учетом легкого превращения чужих, иноземных жен в собственных, казачьих и, следовательно, отсутствия у донцов излишнего ригоризма [4; с. 96]. А.И. Ригельман основывался на рассказе кого-то из казаков второй половины XVIII в., когда казнь через утопление в Войске давно не применялась, а казачья семья была уже не такой, как в XVI – XVII вв. Конкретные случаи утопления женщин за бытовые преступления неизвестны (утопление в 1708 г. в Тишанском городке жены и матери булавинского атамана Н. Голого [7; с. 358] к таким случаям не относится).

П.И. Рычков и за ним А.И. Ригельман высказывали экзотическую версию о том, что в древности казаки, у которых еще отсутствовал институт семейно-брачных отношений, будто бы убивали новорожденных детей. По А.И. Ригельману, поначалу в воду метали всех младенцев, а позже – только девочек. Эта версия здесь не рассматривается, поскольку, во-первых, совершенно бездоказательна и отвергнута сторонниками самых разных теорий происхождения казачества, а во-вторых, освещена в одной из работ [4].

В.Д. Сухоруков объяснял распространенность казачьей казни через утопление следующим образом: «В непрерывных войнах привыкши к суровости, козаки являются не менее жестокими и в изобретении наказаний за преступления. Письменных постановлений у них тогда не было: все делалось по примерам предшествовавшим... Приговор и наказание совершались почти в одно время, что могло довольно обуздывать грубые сердца козаков, ибо каждый, осуждая своего товарища, видел страшный пример пред глазами и знал, что никакие происки хитрого судопроизводства не избавят его от заслуженного наказания» [67; с. 200; 68; с. 103].

Говоря об утоплении и еще об одном виде казачьего наказания, повешении на якорю, З.И. Щелкунов отмечал, что оба вида «представляют несомненную особенность по сравнению с наказаниями, практиковавшимися в других местностях России. Особенность эта должна быть отнесена не на цель наказания, которое в это время повсеместно преследовало одну задачу — устрашение преступника, а на счет способов наказания, находящихся в зависимости от образа жизни и занятий народа, Постоянные «промыслы водою», а следовательно постоянное общение с водою и лодками, при необходимости иногда немедленного наказания невольно привели казаков к мысли воспользоваться как средством наказания теми орудиями, которые всегда были под рукою, а такими были вода и якорь при стругах, лодках» [77; с. 167].

Это мнение разделяют и современные исследователи [51; с. 207; 43; с. 264], однако Б.Н. Проценко полагает, что «известное влияние на способы казни у казаков оказала восточная традиция, для которой характерно бескровное умерщвление преступников. Вынося приговор «в куль да в воду», казаки тем самым предоставляли стихии исполнение приговора, не беря греха и крови на душу» [51; с. 207]. В некотором противоречии со сказанным, правда, находится то обстоятельство, что казаки уже одним приговором к утоплению «брали грех на душу».

У В.И. Даля «в куль да в воду» определено как «мордовский суд» [14; с. 217], в связи с чем, может быть поставлен вопрос о влиянии на казачьи обычаи традиций финно-угорских народов. Кроме того, невольно возникает осторожное предположение, не способствовала ли в некоторой, хотя бы самой малой степени замене обычного расстрела утоплением постоянная нехватка огнестрельных боеприпасов у донцов. Во всяком случае, как отмечало Войско Донское в 1656 г., даже применение для объявления тревоги пушек, а не колокола

приводило к тому, что «в сполошном стреляньи» чинился «изъян большой» пороховой казне [15; 1917 г. – с. 95].

Но, очевидно, на первый план все же следует ставить «водный» образ жизни казаков. В этой связи примечателен один из приказов Разина, отданный при осаде Астрахани: беглецов из своего войска, которые могут дать информацию царским властям, перехватывать и пойманных «на воде» метать в воду, а схваченных «на сухом берегу» рубить [32; 1957 г. – с. 21]. При упомянутой «водной» жизни логичным выглядит и выбрасывание в воду трупов противников, убитых холодным или огнестрельным оружием.

- В 1630 г. изрубленного царского воеводу И. Карамышева кинули в воду [43; с. 264].

- В 1637 г. то же сделали с убитым мятежным запорожским атаманом Матьяшом [43; с. 264].

- В том же году трупы турок, погибших при взятии казаками Азова, неделю метали в Дон [8; с. 55].

- Убитых воевод, бояр и офицеров разинцы сбрасывали в Волгу [32; 1957 г. -с. 9, 50-51; 17; с. 51].

Вернемся, впрочем, к казни через утопление и посмотрим, что сообщают относительно ее процедуры современники и старые авторы, которые имели возможность слышать казачьи предания, восходящие к XVI – XVII вв. Заметим также, что у запорожских казаков эта казнь упоминается раньше, чем у донских.

- По сообщению польского автора Б. Папроцкого 1584 г., у запорожцев казнь обыкновенно заключалась в том, чтобы, «опоясав крепко» преступника, «песка за пазуху насыпать и в воду бросить». Полагают, что песка при этом насыпалось несколько пудов [65; с. 281, 295, 305].

- В украинской думе казак-грешник, находясь в морской экспедиции, во время страшной бури просит привязать к его шее белый камень, завязать глаза красной китайкой, связать руки и «спустить» в море [20; с. 178] (реальные случаи такого рода неизвестны).

- Согласно преданию, записанному С.У. Ремезовым в XVII в., у Ермака изменникам был «по-донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, – в воду» [60; с. 316].

- Фабрициус рассказывал, что в разинском войске вору «завязывали над головой рубаху, насыпали туда песку и так бросали его в воду» [17; с.54].

- Один из иностранцев в 1669 г. сообщал, что Разин «лишил жизни трех или четырех человек: он приказал связать им руки над головой, насыпать песку и так бросить в реку» [66; с. 352].

- Гамбургская газета «Нордишер Меркуриус» в 1670 г. писала, что Разин будто бы казнил трех царских послов – «велел привязать им всем камни на шею и бросить в воду» [19; с. 120].

- Выходившая во Франкфурте-на-Майне сводка известий о разных событиях утверждала в 1671 г., что тот же атаман «велел отрубить руки и ноги многим немецким офицерам, а затем завязать их в мешки и бросить в Волгу» [19; с. 124].

- В 1685 г. казаки донской станицы атамана П. Никифорова, будучи в Коротояке, угрожали «посадить с песком в воду» стрелецкого капитана С. Корнаухова, который пытался искать в казачьих стругах беглых людей [2; с. 128].

- «Сие, – писал в 1703 г. о казни у донцов петровский адмирал К.И. Крюйс, – производится следующим образом: в верхнем кафтане преступника зашивают рукава, набивают их песком, а потом, связав Руки и ноги, бросают в Дон...» [5; ч. 3, с. 138].

- По А.И. Ригельману, преступников на Дону, «связав руки и ноги и насыпавши за рубашку полны пазухи песку и зашивши оную, или с камнем навязавши, в воду метали и топили». Но чуть ниже тот же автор сообщает, что на преступников «надевали мешки, которые наполняли песком и камнями, и так бросали их в воду» [51; с. 26].

- Наконец, у В.Д. Сухорукова читаем, что рассматриваемая казнь «состояла в утоплении в реке человека, завязанного в мешок» [67; с. 200; 68; с. 103].

Обращает на себя внимание, что в ряде сообщений не фигурирует мешок, хотя казнь у казаков называлась «в куль да в воду» (кулем именовали рогожный мешок [14; с. 217]). Отсюда вытекает, что эта казнь имела две разновидности – с применением и неприменением мешка, и, судя по ее народному названию, «мешочное» умерщвление являлось если не более древним, то чаще употреблявшимся. Н.Л. Янчевский тоже полагал, что у казаков было два вида «водной» казни, но, кроме вида «в куль да в воду», называл еще сажание в воду [78; с. 159], тем самым запутывая вопрос. По-видимому, изложенная ошибка идет от утверждения А.Г. Попова, что «преступник в мешке с песком и камнями всенародно опускался в воду на веревке, где держался столько времени, во сколько человеческое естество не в состоянии остаться живым» [48; с. 242]. Затем это смертельное сажание в воду на веревке повторялось и у других авторов [5; ч. 1, с. 234; 70; с. 143], которые, как и А.Г. Попов, не задумывались, зачем казакам надо было, казня преступника, возиться с веревкой и вытаскиванием трупа из воды.

По всей вероятности здесь перепутана казнь утоплением с внешне похожим на нее, но не смертельным наказанием, о котором сообщает А.И. Ригельман: за не слишком важные преступления виновным «насыпали песку в платья, и с тем их на несколько времени в воду сажали» [51; с. 26]. Г.А. Левитский еще пишет о наказании, при котором провинившегося привязывали веревкой к шесту, и шест этот, опуская под лед, протягивали из полыньи в полынью [37; с. 211].

«По-видимому, – считает Н.А. Мининков, – казнь путем потопления в Дону носила у казаков в определенной степени характер какого-то мрачного ритуала» [43; с. 264]. Слово «ритуал» обозначает порядок обрядовых действий при совершении какого-либо религиозного акта или церемониал, распорядок церемонии. В данном случае выбор первого значения слова, кажется, влечет за собой признание того, что у казаков существовали остаточные человеческие жертвоприношения. Похоже, так думали о поведении и деяниях Разина и разинцев многие западноевропейские современники, среди которых ходило немало небылиц и совершенно нелепых рассказов об атамане [19]. В глазах этих европейцев Разин и его казаки были не иначе как «варварами» [17; с. 58; 19; с. 65, 68], то есть фактически кем-то вроде полудикарей, способных и на принесение в жертву людей, даже и 800 женщин сразу.

Конечно, в древности славяне, как и все другие народы, почитали воду, реки, озера и моря. Хозяина всего славянского подводно-подземного мира Ящера и других божеств, в том числе божеств отдельных рек, умиловывали путем принесения жертв в воду [55, 56]. Но человеческие жертвоприношения, по мнению исследователей, прекратились очень давно: у ариев во II тысячелетии до н.э., у римлян, согласно одним данным, в XIII в. до н.э., согласно другим – в VIII в. до н.э., у славян в целом в XII в. н.э., на Руси в X в., у балтийских славян в XIII в. [13; с. 79, 193-194, 205; 22; с. 189-190].

В более поздние времена у славян и русских фиксировались лишь пережитки давних человеческих жертвоприношений в виде приношений животных, хлеба, хлеба-соли и т. д., утопления чучел Морены, Купалы, Русалки, Костромы, игры «Яша (по Б.А. Рыбакову, бывший Ящер) выбирает невесту» и др. Почитание водяного бога трансформировалось в почитание Николы Морского, Николы Мокрого (св. Николая) [56; с. 276-277]. Следует еще сказать, что в дохристианскую эпоху и позже в странах Европы применяли испытания водой по отношению к «ведьмам», преступникам и незаконнорожденным детям [1; с. 105], но и это постепенно сошло на нет.

У казаков, в большинстве своем славян по происхождению, в историческое время мы также наблюдаем лишь пережитки древних верований, обычаев и обрядов. Именование Дона «Доном-батюшкой», очевидно, отражало, помимо великого практического значения реки для казаков, и древнее представление о реках как живых существах, воплощенных в образе «хозяев воды» [1; с. 107]. «Водяной бог Иван Горинович» из сообщения Фабрициуса имеет прямое отношение к именованию Яика «Яиком Горынычем» («Яик, ты наш Яик ли, сударь Горынович Яик», «Яик ты наш, Яикушка, Яик, сын Горыныч») и самих яицких казаков «горынычами» [39; с. 246; 53; с. 191]. В песне, ставшей гимном Терского казачьего войска, есть строки:

«Подарю я вас, гребенски казаченьки,

Ой, рекой Тереком, рекой быстрою,

Ой, все Горынычем, со притоками» [23].

Несомненно, в древность уходит именование Северского Донца «царем Василием», и вряд ли недавнего происхождения «отчества» Дона – Иванович (считают, что по Иван-озеру, из которого он вытекал), Медведицы – Карповна, Бузулука – Сарафонович. (Не согласимся с предположением Б.Н. Проценко, что Карповна происходит от названия Карповского юрта со времени его передачи Усть-Медведицкому монастырю, а Сарафонович – от сарафана [49; с. 189-190]. Карповский городок особо не выделялся на Медведице, передача его юрта монастырю вряд ли сыграла слишком значительную роль, а сарафан носили не только на Бузулуке).

У казаков были широко распространены представления о водяных, которые, по рассказам, помогали донцам и запорожцам в морских походах, но также и устраивали разные каверзы вроде разрыва рыбацких сетей [16; с.465]. По А.Н. Пивоварову, русалок на Дону едва знали [10; л. 114 об.], но, согласно Е.П. Савельеву, «русалии» (всенародные купания) у казаков дошли до XX в. [59; ч. 1, с. 161-162].

В украинской казацкой думе о войсковом писаре Олексее Поповиче запорожская флотилия попадает в гибельное положение во время страшного шторма, и атаман велит исповедаться в грехах Богу, Черному морю и ему, атаману. Попович кается в самых больших грехах и просит отдать его морю (см. выше). Однако, до этого дело не доходит. Дума дает следующее развитие событий: в одном варианте писарю отрубает мизинец на правой руке и бросают в море, вследствие чего оно утихает; в другом варианте Поповичу всего лишь разрубает мизинец, а кровь спускают в море с тем же положительным результатом; наконец, в трех вариантах море успокаивается, удовлетворившись всего-навсего одним чистосердечным покаянием писаря [20; с. 176-201; 29; с. 697].

Н.И. Костомаров справедливо считал, что приведенный сюжет является «остатком языческого мировоззрения, напоминающим те человеческие жертвы, которые совершали древние южноруссы в своих морских походах для спасения себя от морских бурь» [28; с. 509]. Само же создание думы, по-видимому, относится не к XVII в., бывшему эпохой расцвета казачьего мореплавания, а ко времени его начала [20; с. 201]. В XVII столетии в опасных ситуациях, грозивших гибелью судам, при получении тяжелых ран, в тяжких болезнях, в плену донцы каялись в грехах перед Богом и давали обеты, наиболее распространенным из которых было обещание сходить помолиться чудотворцам Зосиме и Савватию в Соловецкий монастырь. Сам Разин в 1652 г. ходил на Соловки, исполняя обет скончавшегося отца [15; 1913 г. – с. 551-552]. Обеты могли касаться и других богоугодных дел, в частности пожертвований. Известен случай, когда несколько запорожцев среди сильнейшей бури на море обещались послужить печерским инокам две недели в черной работе и выполняли свой обет [33; с. 148-149].

Таким образом, человеческие жертвоприношения у казаков в эпоху Разина, совершенно не сообразные со временем, представляли бы собой некий артефакт. Но не мог ли случиться рецидив указанных приношений именно у разгульной разинской вольницы или у самого Разина, которому «закон был не писан»? И нельзя ли усмотреть намек на возможность такого рецидива в том, что атаман, как его обвиняли, вместо обычного христианского свадебного обряда заставлял вступающих в брак «обходить вокруг дерева» (вербы) [17; с. 108, 116]? Если Разин был способен возвратиться к языческому свадебному обряду, то не мог ли возвратиться и к языческим жертвоприношениям?

Нет, здесь мы имеем дело далеко не с равнозначными явлениями. В отличие от России, на Дону бракосочетание не по церковному уставу, а в кругу долго являлось общепринятым; похоже, случались и венчания вокруг дерева или, по крайней мере, казаки помнили о них. Обряд же бракосочетания по уставу стал заметен только со второй половины XVII в. и превратился во всеобщий лишь в первой половине следующего столетия (бракосочетание в кругу бытовало в некоторых станицах даже в первой половине XIX в.) [4; с. 86-88]. Иное дело человеческие жертвоприношения. Они были для казаков обозримого времени вовсе не сегодняшним и даже не вчерашним или позавчерашним днем, а «преданьями старины глубокой», и для их возрождения требовалось, обратившись вспять, преодолеть многовековую дистанцию.

Конечно, при казнях утоплением люди могли говорить об отправлении казненных «к чертям на дно» (выражение донской народной драмы), но, без сомнения, далеко не в том смысле, что столетия назад: это выражение уже было в основном фигуральным. В донской драме есть и другое ироническое пожелание: «Пусть в Волге-матушке рыбки половит», а при протягивании виновного из полыньи в полынью казаки приказывали ему «смотреть, сколько в Дону есть рыбы и какой именно» [12; с. 61, 68; 37; с. 211].

5. Было или не было?

Историк, работающий с источниками, постоянно спрашивает себя, насколько достоверно, точно и полно их информация отражает прошлое. В данном случае приходится признать, что достоверность и точность сообщений Стрейса и Фабрициуса о принесении Разиным княжны или знатной девы в жертву реке весьма сомнительны. А что говорят косвенные данные? Да, казаки захватывали в плен женщин, в том числе и знатных. Да, они могли находиться на борту казачьих судов в качестве перевезенных живых «трофеев», но любовницы там встречаются только песенные. Да, женщинам врага иногда крепко доставалось от казаков в ходе боевых действий, но отношение к пленницам было вполне приемлемым, а к казачьим женам – и совсем неплохим. Да, казнь утоплением часто практиковалась в Войске Донском, но утопления женщин за бытовые прегрешения неизвестны. Да, у казаков существовали некоторые пережитки давних человеческих жертвоприношений, но вообще с ними покончили далекие предки казаков много веков назад, и рецидив, по-видимому, был не возможен,

В общем, мы приходим к выводу, что принесение Стенькой девы в жертву реке – скорее всего вымысел. История с этим жертвоприношением – лишь отзвук древнего обряда, возникший на основе представлений о варварстве и жестокости атамана и его товарищей. Голландцы вместе с их информаторами, похоже, «слышали звон, да не знали где он».

Утопление разинской любовницы само по себе также вызывает большие сомнения и походит на занимательный фольклорный рассказ. Атаман в произведениях устного народного творчества постоянно что-то кидает с борта судна (удобно кидать?): то бросает в воду двадцатипудовые камни, то отправляет на небо персидский половник, в результате чего образуется известное созвездие из 7 звезд, то кидает с Каспия через Кавказский хребет в Черное море ступку-самобойку, непрерывно вырабатывающую соль (кусочек ступки откалывается и падает в Маныч) [76; с. 81-82; 35; с. 12, 14]. И коль скоро есть судно, вода и несдержанный атаман с любовницей, то почему бы ему и ее не бросить в воду?

Тем не менее, остается какая-то доля вероятности того, что «кидание» все-таки могло случиться: в конце концов, чего в жизни не бывает, а твердых доказательств ни «было», ни «не было» не имеют. Но если думать, что Разин все-таки выкинул деву из струга, не намереваясь при этом умиловить реку, то причина такого поступка и повод могли быть самыми разными и навсегда останутся для нас тайной. Приведем предположения историков и других авторов на этот счет.

Прежде всего следует упомянуть популярную версию, выдвинутую Н.И. Костомаровым, воспринятую Д.Н. Садовниковым и великолепно выразившуюся в стихотворении-песне «Из-за острова на стрежень...» [64; с. 62]. Любовные утехы Разина вызвали «ропот и насмешки» судового экипажа, его недовольство атаманом, который, провозившись с княжней лишь одну ночь, дескать, «сам на утро бабой стал». Бросая княжню за борт «в набежавшую волну», Разин делает Волге «подарок от донского казака», но отнюдь не с «жертвенным» обоснованием, а, как он говорит в песне, «чтобы не было раздора» между казаками. В.М. Соловьев полагает, что атаману «надо было выбрать: либо казачье дружество во имя большого затеянного им дела, либо любовь. Второе он принес в жертву ради первого, то есть казачьего братства» [64; с. 61].

«Предпринимая этот жестокий шаг, атаман, – считает Н.А. Мининков, – стремился показать своим сообщникам-казакам отсутствие у него привязанностей вне войскового товарищества и готовность его идти на все ради своих товарищей» [43; с. 442]. Приведенные предположения основываются на том, что у казаков не было ценности выше войскового братства, а прочие ценности были ниже первой. Как в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя: «Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество... Нет уз святее товарищества!» [11; с. 152, 163].

По мнению Е.П. Савельева, соратники Разина были не просто недовольны его «милованьем» с любовницей, но указали атаману на непоследовательность его поведения (мы бы сейчас сказали – на «двойные стандарты»): «Степан Разин на Волге велел бросить в воду казака и бабу за нарушение целомудрия (женщину, как указывалось, повесили – В.К.), а когда ему самому напомнили о том же, то он бросил в Волгу пленную персидскую княжню» [59; ч. 3, с. 374].

Совершенно неприемлемо предположение А.А. Смирнова о том, что персиянка не только околдовала и очаровала атамана, но и «смирила» его: «А может, он и увел их из Каспия (разинцев с Каспия – В.К.)... уступив ее мольбам. Может, ее слова не позволили казакам еще вдоволь погулять по Персии? Может, продал и предал казаков проклятым нехристям-персиянам Разин, поддавшись чарам восточной женской красоты?» [63; с. 103].

Разинцы вернулись в Астрахань как раз в досталь нагулявшись по Каспию, и персидская патриотка была здесь, безусловно, не при чем.

К. Валишевский высказал догадку, что история являлась более серьезной, чем простые насмешки товарищей. Персиянка скорее всего в чем-то провинилась перед атаманом, и он со свойственной ему непреклонностью предал ее смерти, как однажды приказал повесить женщину, виновную в прелюбодеянии, и утопить ее дружка [64; с. 61]. Иными словами, можно думать об измене разинской подружки [4; с. 85] либо, по крайней мере, ее откровенном кокетничанье с другим казаком или казаками. Можно предположить вариант, при котором атаман не поделил пленницу с соратниками, и еще лучше — такую ситуацию, когда Разин и его товарищи оказались перед дилеммой: или пленница будет принадлежать всем (как женщины на корабле Рэхэма), или никому (как водилось с пленницами во время их перевозки на казачьих судах).

Есть еще два предположения, одно из которых совсем «простое» и в комментариях не нуждается, «Как бы ни был Разин груб, нужно полагать, что только в припадке сумасшествия он мог совершить подобную жестокость: до этого случая он казался более справедливым, нежели бесчеловечным» [64; с. 60]. Второе предположение — это фантазия А. Слаповского, исходящая, напротив, из представления об атамане-изверге и вылившаяся в такую сцену. Разин де хотел научить персиянку одному русскому слову, но та не могла его воспроизвести, и тогда разъяренный атаман подвел ее к борту, «урезал персиянку по морде — как он привык, как русский мужик всегда бабу бьет... Персиянка кувыркнулась за борт» [61].

Словом, которое «учитель» заставлял произнести любовницу, по А. Слаповскому, почему-то было «дроля», отсутствующее как в словарях донского диалекта, так и в словаре живого великорусского языка В.И. Даля. Нехватка женщин в Войске Донском в старину неизбежно означала повышенное внимание к ним со стороны мужчин и общества, и в отличие от «русских мужиков» в повседневной семейной жизни казаков мужское самодурство не являлось общей традицией и не поощрялось обществом, а рукоприкладство было редкостью [4; с. 93-99].

Наконец, если уж фантазировать, то можно задаться вопросом: а почему, собственно, все уверены в гибели атаманской любовницы в «набежавшей волне»? Дело было на реке (если было), и разве не могло случиться так, что пленница доплыла до берега? Если она была дочерью кочевого феодала из Персии, то, скорее всего, не умела плавать, но если волжской татаркой, то, в конце концов, почему бы и нет? И почему бы стругу Разина не находиться тогда недалеко от берега или вовсе у берега? Однако все упомянутые предположения исходят из того, что атаман в самом деле развлекался с любовницей на судне в походных условиях, тогда как приведенные материалы свидетельствуют в пользу малой вероятности таких утех.

В завершение упомянем совсем уже чудное предположение А.А. Смирнова. Разин со товарищи, обойдясь без смертоубийства, привезли своих персиянок на Дон и поселили этих «походно-полевых жен» и затем «полулегальных жен «выходного дня» в «отдельном селении», которое получило название Персияновки [63; с. 103-104]. В духе старинного анекдота, где король спрашивал коменданта, почему он сдал неприятелю крепость, и тот отвечал, что, во-первых, не было пороха, а король его на этом прерывал и говорил «достаточно», мы здесь заметим, что, во-первых, упомянутый топоним произошел не от персиянок, а от фамилии казака Персиянова, и об остальных несурзацах предположения промолчим.

... Итак, отвечая на прямой вопрос, поставленный в заглавии статьи, следует, на наш взгляд, так же прямо сказать: нет, по всей вероятности, Стенька Разин княжну не утопил.

Библиографический список

- [1] Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. – М., 1985.
- [2] Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Яншиным. – Новочеркасск, 1891. – Т. 1.
- [3] Афанасьев (Чужбинский) А.С. Поездка в Южную Россию // Афанасьев (Чужбинский) А.С. Собрание сочинений. – СПб., 1891. – Т. 7.
- [4] Брак и семья у донских казаков // Абрамов М.Ю., Вальдин А.С, Королев В.Н., Корягин СВ. и др. – М., 2001.
- [5] Броневский В. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. – СПб., 1834. – ч. 1,3.
- [6] Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. – М., 1976.
- [7] Булавинское восстание (1707-1708 гг.). – М., 1935.
- [8] Воинские повести древней Руси. – М.,Л., 1949.
- [9] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. – М., 1954. – Т. 1.
- [10] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 789.
- [11] Гоголь Н.В. Собрание сочинений в семи томах. – М., 1983. – Т. 2.
- [12] Головачев В., Лашилин Б. Народный театр на Дону. – Ростов н/Д, 1947.
- [13] Гусева Н.Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. – М., 2002.
- [14] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1982. – Т. 2.
- [15] Донские дела. СПб. (Пг.), 1898, 1913, 1917. – Кн. 1,4,5.
- [16] Есаул [Попко И.Д.]. Старый Черкасск // Военный сборник. – 1861. – № 12.
- [17] Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – Л., 1968.
- [18] Иванов М.С. Очерк истории Ирана. – М., 1952.
- [19] Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. – Л., 1975.
- [20] Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. – Киев, 1874.
- [21] Исторические песни XIII – XVI веков. – М.,Л., 1960.
- [22] История Европы. – М., 1988. – Т. 1.
- [23] Казаки. Календарь 1998 г. – М., 1997.
- [24] Казачий словарь-справочник. – М., 1992. – Т. 2.
- [25] Королев В.Н. Босфорская война. – Ростов н/Д, 2002.
- [26] Королев В.Н. Атаман Василий Костродым // Из истории и культуры ли-нейного казачества Северного Кавказа. – Краснодар, 2004.
- [27] Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина // Костомаров Н.И. Собрание сочинений. – СПб., 1903. – Кн. 1.

[28] Костомаров Н.И. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества // Костомаров Н.И. Собр. сочинений. – СПб., 1905. – Кн. 8.

[29] Костомаров Н.И. История козачества в памятниках южнорусского народного песенного творчества // Костомаров Н.И. Собр. сочинений. – СПб., 1905. – Кн. 8.

[30] Краснов Н. Исторические оценки Дона // Русская речь. 1881. – № 2-3.

[31] Краснов Н. Поиск донского казака Ивана Богатого под Царьград. (Очерки нравов и обычаев из быта донцов в XVII столетии) // Ежемесячное прилож. к журналу «Живописное обозрение». IX. – 1884. – Т. 3.

[32] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. – М., 1954, 1957, 1959, 1962. Т. 1,2, ч. 1-3.

[33] Кулиш П.А. История воссоединения Руси. – СПб.; 1874. – Т. 1.

[34] Ламанский В. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. – СПб., 1859.

[35] Лащилин Б. Донские сказы. – Сталинград, 1948.

[36] Левассер де Боплан Г. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании, составленное Гильомом Левассер де Боплан // Ляскоронский В.Г. Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. – Киев, 1901.

[37] Левитский Г. Старочеркасск и его достопримечательности // Донские епархиальные ведомости. – 1870. – № 7.

[38] Листопадов А. Песни донских казаков. – М., 1949, 1951, 1953, 1954. – Т. 1, ч. 2-5.

[39] Лозанова А.Н Народные песни о Степане Разине. – Саратов, 1928.

[40] Лозанова А.Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. – М.,Л., 1935.

[41] Мартысевич И.Д., Шульгин В.С. Очерки русской культуры XVII века. – М., 1979.- ч. 1.

[42] Мельгунов Г. Замечания о южном берегу Каспийского моря // Записки императорской Академии наук. – СПб., 1863. – Т. 3.

[43] Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). – Ростов н/Д, 1998.

[44] Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. 1870-1906. Беседы с памятью. – М., 1989.

[45] Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.,Л., 1948.

[46] Новосельский А.А. Из историк донской торговли в XVII веке // Исторические записки. – М., 1948. – Вып. 26.

[47] Полное собрание русских летописей. – М., 1965. – Т. 13, 29.

[48] Попов А. История о Донском Войске, сочиненная директором училищ в Войске Донском коллежским советником и кавалером Алексеем Поповым 1815 годав Новочеркасске. – Харьков, 1816. – ч. 2.

[49] Проценко Б.Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. – Ростов н/Д, 1998.

[50] Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. – М., 1974. – Т. 2.

[51] Ригельман А.И. История о донских казаках. – Ростов н/Д, 1992.

[52] Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов. – М., 1998.

[53] Рознер И.Г. Яик перед бурей. – М., 1966.

- [54] Русские народные песни. – М., 1988.
- [55] Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981.
- [56] Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1987.
- [57] Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. – СПб., 1846. – ч. 1.
- [58] Савельев А. Трехсотлетие Войска Донского. 1570-1870 гг. Очерки из истории донских казаков. – СПб., 1870.
- [59] Савельев Е.П. История казачества. Ростов н/Д, 1990. – ч. 1,3.
- [60] Сибирские летописи. – СПб., 1907.
- [61] Слаповский А. Разбойная любовь // Книжное обозрение. – 2000. – № 34.
- [62] Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606-1607. – М., 1951.
- [63] Смирнов А. Казаки – морское сословие. – СПб., 2003.
- [64] Соловьев В. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. – М., 1994.
- [65] Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. – Киев, 1904.
- [66] Стрейс Я.Я. Три путешествия. – М., 1935.
- [67] Сухоруков В. О внутреннем состоянии донских Козаков в конце XVI столетия // Соревнователь просвещения и благотворения. – 1824. – ч. 26, кн. 2. – № 5.
- [68] Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского. – Ростов н/Д, 2001.
- [69] Сыны донских степей. – Ростов н/Д, 1973.
- [70] Тимощенко И. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Областного Войска Донского статистического комитета. – Новочеркасск, 1874. – Вып 2.
- [71] Тумилевич Ф.В. Предания о «Городе Игната» и их источники // Народная устная поэзия Дона. (Матер. науч. конфер. по народному творчеству донского казачества 18-23 декабря 1961 г.). – Ростов н/Д, 1963.
- [72]. Тумилевич Ф.В. Донской эпос о С. Разине // Литература советского Дона. – Ростов н/Д, 1969.
- [73] Тхоржевский С.И. Стенька Разин. Исторический очерк. – Пг., 1923.
- [74] Хейердал Т. Экспедиция «Кон-Тики». «Ра». – М., 1977.
- [75] Швецова Е. Сын Степана Разина // Молот. – 13.09.1962 г.
- [76] Шептаев Л.С. Ранние предания и легенды о Разине // Славянский фольклор и историческая действительность. – М., 1965.
- [77] Щелкунов З. Преступления против «Войска» по древнему казачьему праву. (Юридический очерк) // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. – Новочеркасск, 1908. – Вып. 8.
- [78] Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI-XVII вв. – Ростов н/Д, 1930.
- [79] Catualdi V. Sultan Jahia dell'imperial casa Ottomana. – Trieste, 1889. 119
- [80] Collectanea z dziejopisow tureckich rzeczy do historyi polskiej sluzacych. – Warsttawa, 1824. – Т. 1.
- [81] Historica Russiae monumenta. – Petropoli, 1842. – Т. 2.
- [82] Naima. Annals of the Turkish Empire from 1591 to 1659 of the Christian Era. – L., 1832. – Vol. 1.